

„Ахъ ты, солнышко, князь Стольно-кѣвскій,
 Позволь-ко мнѣ проститися
 Со моимъ милымъ дружкоймъ—
 Съ Данилой Денисьевымъ“!
 Дозволилъ ей князь Стольно-кѣвскій,
 Далъ съ ней нянюшекъ служанушекъ;
 Приѣхала она во чисто поле
 Къ тому Данилушкѣ Денисьеву;
 Простилася съ Данилой Денисьевымъ,
 Поставила ножище-кинжалище,
 Спорола себѣ груди бѣлыя.
 Ты нянюшки служанушки
 Привезли онѣ вѣсточку не радостну:
 Той Василисты Микуличны славу поють.
 Старога казака Илью Муромца
 Выпустилъ изъ погреба глубокаго,
 Подарилъ его шубой соболиною,
 А Мишутушки—Путятину—
 Смолы котель.

Сообщилъ А. К.

Жизнь крестьянской дѣвушки сѣв- рянки по народнымъ частушкамъ.

Какъ кому на свѣтѣ
 Дышится, живется,
 Такова и пѣсня
 У того поется.

Ив. Суриковъ.

Интересуясь народной частушкой и записывая ее со словъ крестьянскихъ дѣвушекъ и женщинъ, молодцовъ и мужчинъ, я, за десятилѣтній опытъ въ качествѣ собирателя этого рода творчества, собралъ большую коллекцію, состоящую болѣе, чѣмъ изъ 6.000 штукъ разнообразныхъ какъ по характеру, такъ и по содержанію, частушекъ.

Правда, изъ нихъ болѣе половины записаны въ Тверской и Ярославской губерніяхъ, остальная же часть, состоящая тысячъ изъ двухъ, принадлежитъ всецѣло Вологодской губерніи. Эти частушки, съ которыми я хочу познакомить читателя, распѣваются въ Вологодскомъ и Кадниковскомъ уѣздахъ и мной записаны въ тысяча девятьсотъ десятомъ году.

I.

Въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ русскій народъ слагалъ былины, сказки; распѣвалъ свои самобытныя нѣсни, отражая во всѣхъ этихъ произведеніяхъ настроеніе своей души, свои наболѣвшія чувства. Протекали вѣка культуры, и просвѣщеніе клало на народную психику свой отпечатокъ, заставляя постепенно забывать старыя, вѣковые обычаи и вѣрованія и весь свой прочій первоначальный укладъ. Въ соотвѣтствіи съ измѣненіями народной психики и всѣхъ окружающихъ условій народной жизни, въ корнѣ, до неузнаваемости, измѣнилась и народная

поэзія, дына уже другими пастроеными, другими вѣянiями и даже иной, измѣненной формой изложенiя.

Въ настоящее время намъ неоднократно приходится слышать голоса о вымираніи въ народѣ длинной пѣсни и о наводненіи деревни пѣснью новаго вида: краткой, отрывчатой, совсѣмъ не похожей на свою прежнюю предшественницу. Пѣсней нашего времени, удовлетворяющей пастроенымъ народній психики, явилась миниатюрная, убогая, четырехстрочная пѣсенка частушка, которой, какъ видно, также суждено играть въ жизни народа ту видную роль, какую играли въ свое время длинная пѣсня и былина.

Изучая народную пѣсню-частушку, прислушиваясь внимательно къ ея содержанію и смыслу, невольно поражаешься тѣмъ, что въ данное время нѣтъ имъ конца и краю, и нѣтъ, кажется, ни одной стороны жизни, которая бы была обойдена или не отразилась въ частушкѣ.

Идите въ любое село, деревню, городъ,—и вы вездѣ и всюду услышите эту незатѣливую, на-скоро сложенную частушку, въ которой ясно слышится жалоба на ту или другую сторону тяжелой жизни, полной всевозможныхъ лишений и огорченій. Справедливо будетъ сказать, что современная частушка является ни чѣмъ инымъ, какъ истинной выразительницей деревенскихъ настроеній, ибо она своимъ разнообразіемъ охватываетъ всѣ стороны повседневной жизни народа, его стремленій, его состояній и всѣхъ его разнообразныхъ переживаній. Какъ прогрессируетъ сама жизнь, такъ прогрессируетъ за жизнью слѣдомъ и сама частушка, и на какую, какую тему въ данное время вы ея не услышите! Частушка буквально отвѣчаетъ на всѣ вопросы деревенской жизни. Появился хуторянинъ—про хуторянина пѣсня сложена, появился крестьянинъ-собственникъ, такъ и про него пѣсня готова; давно ли стала дѣйствовать законъ 9 ноября, а между тѣмъ это событіе поролито цѣлый рядъ самыхъ характерныхъ частушекъ.

Въ особенности частушки играютъ большую роль въ жизни молодежи. Молодежь съ ней такъ сжилась, такъ сроднилась, что спросите каждую крестьянскую дѣвушку, и она вамъ скажетъ не десятокъ, не два, а цѣлыя сотни частушекъ, вспоминая постепенно одну за другой; эти сотни мнѣ не однажды приходилось записывать; между тѣмъ, спросите дѣвушку о прежнихъ, старыхъ длинныхъ пѣсняхъ, и она ихъ почти совсѣмъ не знаетъ, а если и знаетъ длинныя пѣсни, то только пѣсни новаго склада, какъ напр. „Коробейники“, „Мой костеръ“, „Послѣдній нишій денечекъ“, „Ахъ зачѣмъ эта ночь“... и т. д.

Старинная пѣсня съ каждымъ днемъ все больше и больше выходитъ изъ употребленія, она забывается, и, кажется, уже недалеко то время, когда о ней останется одно воспоминаніе. Это обстоятельство, конечно, легко объясняется тѣмъ, что пѣсня стараго склада отжила свой вѣкъ и своимъ содержаніемъ далеко не соответствуетъ современному настроенію народной души.

Послушаемъ, что говоритъ одна частушка, записанная мною въ Вологодскомъ уѣздѣ, говорящая о длинной пѣснѣ.

Намъ не надо длинныхъ пѣсень,
Коротушекъ хватить съ насъ,
Въ коротушкахъ одна правда—
Въ длинныхъ пѣсняхъ не всегда.

Вошь какой приговоръ о длинной пѣснѣ слышится въ современной частушкѣ. Коротушка ставится народомъ на первую очередь, какъ истинная отразительница одной чистой правды и всего того, что гнѣздится въ его душѣ, что просится наружу, что онъ самъ пережилъ и перечувствовалъ; потому онъ относится къ ней съ большой любовью и легче ее усваиваетъ и чаще другихъ распѣваетъ.

При записываніи частушки, мпѣ неоднократно приходилось наблюдать тѣ обстоятельства, что въ умѣ дѣвицы, женщины, молодца, мужчины заминались тѣ частушки тверже, которыя болѣе другихъ пришлись имъ по-душѣ, въ которыхъ больше отразилось близкое горе или радости и прочее душевное настроеніе. Это все, мпѣ думается, какъ не надо лучше, подтверждаетъ высказанное выше мое соображеніе, почему живуча въ народѣ частушка.

Правда, есть еще не мало лицъ, совершенно игнорирующихъ частушку, находя ея грубой, мало выразительной, безнравственной, пошлой и т. д.

Возражать противъ такого мнѣнія врядъ-ли придется много; прежде всего мнѣ кажется, что тѣ лица, которыя произнесли такой жестокой приговоръ надъ народной частушкой, врядъ-ли были достаточно знакомы съ богатымъ разнообразіемъ этихъ пѣсень. Да и врядъ ли гдѣ можно было съ ними основательно познакомиться: сборниковъ частушекъ, гдѣ бы ихъ было напечатано тысячи, нѣтъ нигдѣ, а потому вполне естественно, что критики пользовались только отдѣльными частушками этого творчества, а пользуясь маленькой частичкой этой поэзіи, врядъ ли, конечно, можно сказать что-либо объ этой пѣснѣ, о ея цѣнности для этнографіи; для этого нужны не отдѣльныя частицы, а цѣлыя десятки тысячъ образцовъ такой поэзіи, и только имѣвши такой матеріалъ, можно высказаться о ея цѣнности. Но въ этомъ направленіи у насъ ничего не сдѣлано, а потому вопросъ о народной частушкѣ стоитъ въ тѣни и мало, или вѣрнѣе сказать, совсѣмъ неразработанъ и ждетъ своего изслѣдователя. Во всякомъ случаѣ, пренебрегать этимъ творчествомъ непростибельная ошибка.

Мнѣ кажется, что современная сѣверная частушка можетъ послужить большимъ подспорьемъ въ дѣлѣ изученія Сѣвернаго края, быта, уклада, характера и всего нравственнаго облика его населенія, такъ какъ въ частушкахъ, какъ въ хрустальномъ зеркалѣ, отразилась настоящая душа, мысли, чувства сѣверянъ, а также и всѣ тѣ современныя условія, въ какихъ живетъ нашъ сѣверянинъ, и каковыя условія, м. б., намъ мало замѣтны, а потому и недостаточно нами изучены.

Въ настоящей замѣткѣ я хочу познакомить читателя только съ одной частью частушекъ, именно тѣми, которыя въ своемъ содержаніи отражаютъ дѣвичью жизнь.

Такое дробленіе, по моему мнѣнію, является прямой необходимостью, а въ особенности для болѣе правильнаго изслѣдованія этого творчества. Сличая частушку молодца съ частушкой дѣвичьей, замѣтите въ нихъ, правда, кое что общее; сличая-же частушку „бабью“ съ дѣвичьей, въ нихъ не найдете уже ничего общаго, ибо бабья жизнь совсѣмъ не похожа на дѣвичью, а дѣвичья на бабью; у каждой изъ нихъ умъ занятъ совсѣмъ непохожими другъ на друга интересами. Такъ же точно нѣтъ ничего общаго между частушками молодца и частушками женатаго мужчины, а потому эти частушки смѣшивать и обособлять нельзя, а нужно ихъ распредѣлять по отдѣламъ и группамъ, по ихъ смыслу и

содержавію. Правда, такого разграпиченія не соблюдается, когда ихъ поютъ и очень часто приходится слышать, что дѣвица распѣваетъ частушку, относящуюся къ женщицѣ, а женщина,—относящуюся къ дѣвицѣ, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что не нужно дѣлать соотвѣтствующаго групповаго распредѣленія.

II.

Ранняя молодость является самой бурной въ жизни чело-вѣка, а въ особенности, когда чело-вѣкъ начинаетъ сталкиваться со всѣми тѣми ограничивающими его свободу условіями, которыя часто стоятъ на пути и мѣшаютъ осуществленію того, къ чему стремится молодая душа, а потому молодцу или дѣвицѣ невольно приходится реагировать, жаловаться на свою судьбу, выражая наболѣвшее горе въ частушкѣ, вытекшей изъ устъ, можетъ быть, случайно, самопроизвольно, подъ вліяніемъ даннаго момента и настроенія, облекаясь часто въ рифмованную, а то и просто не рифмованную форму.

Частушки, которыя относятся къ дѣвушкѣ или женщицѣ, по своей слержанности выше другихъ и, пожалуй, отличаются большимъ разнообразіемъ въ репертуарѣ словъ. Природная женская скромность, выработанная въ продолженіе многихъ вѣковъ, здѣсь ясно чувствуется и сказывается. Въ дѣвичьихъ и бабьихъ частушкахъ совсѣмъ не встрѣчается тѣхъ циничныхъ, грубыхъ, непристойныхъ выраженій, которыя встрѣчаются въ частушкахъ мужчинъ довольно часто, да и самымъ содержаніемъ частушки дѣвичьи и женскія гораздо разнообразнѣе, дышатъ большей нѣжностью и наивной деревенской простотой; въ нихъ довольно часто встрѣчаются красивые обороты, мѣткія сравненія и искренняя, чистая, неподдѣльная любовь къ своему любимому; такъ и чувствуется, что это—любовь самая горячая, пламенная, какой можетъ любить неиспорченная юная душа.

Двѣсти сорокъ пѣсенъ знаю,
Всѣ сейчасъ перепею,
Въ каждой пѣснѣ, въ каждой строчкѣ—
Я милого вспомяну.

Ретиво сердце не ной—
Когда миль сидитъ со мной,
Ты тогда сердце заной,
Когда миль пойдетъ домой.

Не деревня меня сушитъ—
Сушитъ кругленькій домокъ,
Гдѣ крашенныя окошки,
Тамъ кудрявый паренекъ.

Я сидѣла спереди—
Во переднимъ углу.
Дожидала дроличку*)
Котораго люблю.

Неужели сбудется—
Кого люблю забудется,
Неужели станется—
Кого люблю разстанется.

Дроля—аленькій цвѣточекъ,
Я игровая твоя.

*) Дролей дѣвушки зовутъ своего любимаго молодца.

Ваши чернинькіе глазки
Завлекають все меня.

Я у дроли во саду—
На скамеечкѣ сажу,
Онъ въ тальяночку играетъ,
А я пѣсенки пою.

Но довольно часто въ эту горячую любовь ввязывается воля родительская, которая ради своихъ соображеній совсѣмъ не хочетъ считаться съ выборомъ своей дочери и съ ея любовью, придерживаясь на этотъ счетъ того взгляда, что молодости свойственны всякія ошибки, которыхъ, по взгляду родителей, она не должны допускать. И вотъ тутъ-то, конечно, между родителями и дѣтьми создается непримиримый конфликтъ, приводящій ко многимъ недоразумѣніямъ; болѣе энергичныя дѣвушки иногда вступаютъ изъ-за любимаго „дролочки“ въ открытую борьбу, наговоря своимъ родителямъ порой очень много неместнаго.

Полно-те глупые родители,
За дроличку бранить,
По любви выхожу замужъ
Вамъ меня нечего винить.

Вы родители, губители—
Губительница мать,
За кого хотѣлось замужъ,
Не сумѣли дочь отдать.

Дочери напоминаютъ родителямъ, на что слѣдуетъ, главнымъ образомъ, обращать вниманіе:

За высокіе хоромы—
Мамка съ тятькой не отлавай,
Человѣкъ дороже денегъ,
Человѣка выбирай.

Онѣ указываютъ:

Вы не льстите на хоромы—
Мнѣ они не по душѣ,
За любимаго отдайте замужъ.
Проживу и въ шалашѣ.

Изъ послѣдней частушки отчасти видно, что дѣвушка совсѣмъ не льститъ на богатство и согласна лучше жить въ шалашѣ, чѣмъ идти за нелюбимаго; она разсуждаетъ такъ:

Въ сто разъ лучше дѣвушкѣ
Выйти за любимаго,
Легче и побой перенести
Отъ своего милаго.

На всѣ уговоры она отвѣчаетъ такъ:

Что хотите говорите,
А я выйду за него—
Можетъ горя, приму много,
Но любѣ нѣтъ его.

Увлекаясь своимъ любимымъ и гуляя съ нимъ, дѣвушка, случается, частенько выслушиваетъ всевозможные брани и укоры за то, что она

гуляетъ не съ тѣмъ, съ кѣмъ бы было нужно по мнѣнію родителей, а потому крестьянской дѣвушкѣ невольно приходится иногда любить украдкой.

За тебя миленочекъ
 Меня стала маменька бранить,
 Но мнѣ дѣвченкѣ непочемъ
 Буду воровски любить.

Дальше уже дѣвушка невольно пускается во всевозможныя обходы и своего милаго учить:

Не ходи миленокъ садомъ,
 Не садись при мамѣ рядомъ,
 Сядь къ подружкѣ, не ко мнѣ—
 Подружка перескажетъ мнѣ.

Но бываетъ и то:

Меня дома-то ругаютъ,
 Я изъ дома убѣгу—
 Все равно свиданье будетъ:
 На рѣкѣ, на берегу.

Но вотъ другой типъ дѣвушки, типъ дѣвушки энергичной, самолюбивой, увѣренной въ себя; она идетъ къ своей цѣли другимъ путемъ, не прибѣгая къ уверткамъ и обходамъ; она своимъ родителямъ говорить прямо, откровенно и совсѣмъ не хочетъ свою любовь скрывать:

Тяжка съ мамкой, вамъ нѣтъ дѣла
 Съ кѣмъ вчера съ гуляла и сидѣла.
 Буду непрежнему сидѣть, ходить,
 Кого хочу, того любить.

Былая домостроевская покорность передъ родителями и родительской властью все больше и больше ослабѣваетъ, а въ особенности съ ней стали все меньше и меньше считаться въ выборѣ себя будущаго мужа, и дѣвушки смѣло говорятъ родителямъ о своей горячей любви, и, несмотря на всѣ укоры и поборы, смѣло идутъ по своему пути.

Не отстану я отъ милаго
 Ни лихомъ, ни добромъ;
 Легче вамъ отрубить мнѣ голову
 На стулѣ топоромъ.

Мама была косаремъ
 Не гуляй съ писаремъ,
 Не боюсь косаря
 Буду любить писаря.

Меня маменька за Коленку
 Частенько стала бить,
 А я въ грустяхъ ей сказала:
 Хоть убей буду любить.

Меня дома-то ругаютъ;
 Еще дядя побить;
 Какъ не бейте, не ругайтъ,
 А по вашему не быть.

За моего мила дружка
 Не разъ попало ремешка,
 И еще хотять дупить,
 Не велять его любить.

Она подчеркиваетъ:

Они ругаютъ и бранять,
 А я стою на своемъ,
 По характеру пришелъ дроличко.
 Остальное непочемъ.

Она не прочь ихъ вышучивать:

Мнѣ-ка мамка говорила,
 Чтобъ я бѣдныхъ не любила,
 Навязался ловкій воръ, -
 Забыла мамкинъ разговоръ.

Тятка съ мамкой золотыя,
 Половину чугуна;
 Приведу дролю на домъ:
 Тятка съ мамкой фигу на.

На всѣ препятствія къ браку съ любимымъ, дѣвушка отвѣчаетъ:

На родимую на мать
 Все равно, что наплевять;
 Неужели изъ-за матери
 Да дролю забывать.

Она смѣло заявляетъ объ этомъ матери:

Самоходочкой иду
 Въ это воскресеньице,
 Маменька родимая,
 Давай благословеньице.

Если все-таки мать не примиряется, то дѣвушка начинаетъ уба-
 ждать, говоря:

Отдавайте, не зѣвайте,
 Нѣтъ, такъ прозѣваете,
 Безъ дозволенья выйду замужъ,
 Дочки не увидите.

Не отдашь ты мамка съ воли,
 Улечу, какъ птичка съ кровли;
 Ты увидишь насъ тогда,
 Когда прїедемъ отъ вѣнца.

Но препятствіе къ браку бываетъ не только со стороны родите-
 лей дочери; очень часто такое же препятствіе встрѣчается и со стороны
 родителей своего любимаго; это тоже очень ярко и характерно отрази-
 лось въ дѣвичьихъ частушкахъ, и дѣвушка въ такихъ случаяхъ, обижа-
 ясь, говоритъ своему любимому „дроличкѣ“:

Милой мой: разбираюсь
 На родителей твоихъ,
 Если мы съ тобой разстанемся,
 То навѣрно изъ-за нихъ.

Это она заключила изъ слѣдующаго:

Я вчера было подслушала
Подъ твоимъ, дроля, окномъ:
Говорять твои родители,
Что меня не надо въ домъ.

Дальше она не прочь высказать все свое превосходство передъ другими и указать, что онъ потеряетъ, если не возметъ ее замужъ.

Мои щечки, какъ цвѣточки,
Глазки—черный черносливъ:
Ты женишься милый дролечка
Будешь на вѣки счастливъ.

Она его убѣждаетъ:

Милый, счастье потеряешь,
Меня замужъ не возмешь;
Я одинъ годокъ поплачу,
Ты на вѣки пропадешь.

Милый, женишься, спокаешься
Вспомянешъ и меня,
Возьмешь дальнюю, хваленую—
Подметочка моя.

Она чистосердечно ему признается:

Я тебя любила, дролечка,
Не для дружбы для одной,
За тебя хотѣла замужъ—
Вѣрной быть тебѣ женой.

Ради его, ради любви къ нему, она готова на все, и она предлагаетъ ему слѣдующее:

Милый мой, своихъ не слушай,
Не надо глядѣть на нихъ;
Обвѣнчаемся украдкой,
И не будемъ жить у нихъ.

Всѣ приведенныя частушки наглядно рисуютъ, въ какихъ условіяхъ часто живетъ крестьянская дѣвушка, какую она начинаетъ порой вести смѣлую борьбу съ создавшимися вокругъ ея условіями, какъ она всецѣло ушла въ эту борьбу, а въ особенности съ тѣмъ, что умаляетъ ея самостоятельность; она теперь совсѣмъ не хочетъ, чтобы ея судьбу устраивали родители; она ее хочетъ устроить сама, по своей доброй волѣ, по своему желанію выйти замужъ за того, кого она любитъ, кого она уважаетъ, ради кого она готова все перетерпѣть, все перенести мужественно, ничего не боясь, ничего не пугаясь, лишь бы исполнилась ея завѣтная мечта.

По этимъ же частушкамъ легко опредѣлить то тяжелое положеніе, какое дѣвушка занимаетъ въ семьѣ, и что ей приходится перенести изъ за какихъ-нибудь пустяковъ. Такъ, она съ грустью и отчаяніемъ поетъ:

Тягкѣ съ мамкой надоѣла,
Братьямъ голосъ напостыль,
Дайте бѣдную котомочку—
Я уйду жить въ монастырь.

Меня дома укоряють:
 Не столько сработаю, сколько съѣмъ,
 Дайте сотенку приданого:
 Уйду не надоѣмъ.

Тятка съ мамкой все бранятся:
 Стала лишняя у нихъ,
 Богъ бы далъ мнѣ выбрать пару,
 Наплевала бы на нихъ.

Въ раздумьѣ о своей тяжелой жизни она мечтаетъ:

Кабы меня, дѣвушку,
 Въ малую семейку,
 Я бы свекру угодила
 И свекровь бы уладила.

Кабы знала, кабы знала
 Гдѣ мнѣ замужемъ бывать,
 Помогла бы я свекровѣ
 Капусту поливать.

Съ одной стороны бѣдность, съ другой богатство очень часто препятствуютъ браку, и дѣвушника увлекающемуся ей молодцу откровенно говорить:

Милый, сватайся, не сватайся,
 За тебя не отдадутъ:
 У тебя четыре брата,
 Тебѣ доли не дадутъ.

Милый, сватайся, не сватайся,
 За тебя родитель не отдастъ:
 Сиротиночка ты бѣдный,
 Богачъ тятенька-то нашъ.

На всякія уговоры она отвѣчаетъ о бесполезности его сватовства.

Лучше, миленькій, не сватай,
 Близко къ дому не ходи,
 Не гнѣви моихъ родителей,
 И грѣха не заводи.

Дальше она уличаетъ его въ излишнемъ хвастовствѣ:

Ты не хвастай, милый мой,
 Я видала домикъ твой,
 Я была и въ домикѣ—
 Стоить вода на столикѣ.

Прежде, чѣмъ жениться, она совѣтуетъ обратить вниманіе на слѣдующее:

Погоди, милой, жениться:
 У тебя изба валится;
 Сперва избу въ порядокъ приведи,
 Потомъ подружку заводи.

Погоди, милой, жениться:
 Сперва выряди себя,
 Купи трончку съ часами,
 Брюки тонкаго сукна.

Она вышучиваетъ его:

Кого зовешь гулять почаще,
Тотъ жалѣеть сапоговъ;
Кого душа не принимаетъ,
Тотъ навязывать любовь.

Всевозможныя деревенскія сплетни, виѣ всякаго сомнѣнія, тяжело отзываются на дѣвичьей чести, но дѣвушка все-таки не унываетъ:

Про меня худая слава,
Точно иней во лѣсу;
Что хотите говорите,
Все равно перенесу.

Про меня чего сказали—
Люблю сына у вдовца,
Я и то не припечалилась,
Не вспыхнула съ лица.

Про меня чего сказали—
Люблю сына у вдовы,
Я и то не испугалась,
Не вѣшу головы.

Другія дѣвушки всячески избѣгаютъ этого:

Въ ту деревню звали въ гости,
Больше разу не пойду,
Моей мамѣ насаказали,
Будто я кого люблю.

Какъ мои-то руки бѣлыя
Отъ солнышка горять,
Про меня, про дѣвушку,
Пустое говорятъ.

Я стояла за крыльцомъ,
А сказали—съ молодцомъ;
Я платочкомъ утиралась,
А наврали—цѣловалась.

Чтобы избѣжать впредь подобныхъ сплетень, она своему „дролѣ“ заявляетъ:

На вечеринкѣ посиди,
Провожать-то не ходи;
Меня молоденьку дѣвчонку
Во славу не вводи.

Со мной миленькой сидить,
Ссбиратся проволить;
Не слѣпая, не безъ глазъ,
Найду дороженьку безъ вась.

Разочарованіе въ своимъ любимомъ „дролчкѣ“,— дѣло самое заурядное:

Говоришь, что не люблю,
Но я объ томъ не зоревлю,
Я надѣюсь на себя;
Найду красивѣе тебя.

Не любишь, такъ наплевать:
Безъ тебя найдется пять.

Неужели изъ пяти,—
Такой дряни не найти?

Самъ себя высоко носишь,
А меня ниже травы;
Безъ тебя другіе любятъ,
Ты гоняешься почто.

Самъ себя высоко носишь;
А меня ниже травы,
Я не-больно испугалась —
Сказала, къ лѣшему поди.

Въ воскресенье, въ эту пору,
Я каталася на льду;
Присылаетъ милый сваху,
Я сказала—не пойду.

Я сегодня лѣтомъ
Въ сукѣ провожала:
Дроличка домается,
Я не уважала.

Передъ концомъ дѣвичьей волюшки, какъ выражено въ одной частушкѣ, дѣвушка не хочетъ унывать, а хочетъ на остаткахъ дней погулять во-всю.

Попляшите, мой тифелечки,
Недолго вамъ плясать;
Выйду замужъ, стану плакать,
Вамъ подъ лавочкой лежать.

Веселись, моя головушка,
Послѣдняя зима.
А вотъ еще будетъ зима,—
Не будетъ въ дѣвушкахъ меня.

Ты, родима моя мать,
Мнѣ недолго погулять,
Погулять, понѣжиться,
Повольничать, потѣшиться.

Не брани, мама,
За гулянье никогда,
Напостынетъ замужемъ
Чужая сторона.

Не ругай меня, мама—
Меня не за что ругать,
Мое дѣло молодое,
Мнѣ охота погулять.

Не брани меня, отецъ,
За веселье, за гульбу,
Прилетъ времячко такое,
Посылай, такъ не пойду.

В. И. Симаковъ.